

УДК 321

DOI 10.24147/2542-1514.2017.1(3).15-24

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ. 2017

А.В. Бутаков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

21 июня 2017 г.

Дата принятия в печать –

10 июля 2017 г.

Дата онлайн-размещения –

30 сентября 2017 г.

В статье предлагается авторская методология исследования общественных процессов посредством установления зависимости между способами организации собственности и формой государства, особенно его политического режима. Анализ методологии происходит на историческом материале российской государственности в условиях ее переходных состояний во время соответствующих индустриализаций отечественного производства.

Ключевые слова

Российская государственность, индустриализация, нормативный структурализм, способы организации собственности, их социальные функции, политико-правовой режим

THE RUSSIAN STATEHOOD. 2017

Alexander V. Butakov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2017 June 21

Accepted – 2017 July 10

Available online – 2017 September 30

The subject. The author's research methodology of social processes is represented, by establishing a bond between the ways of property organization and governmental form – especially its political regime.

The analysis of methodology is based on the historical materials devoted to Russian statehood in terms of its transition states during the appropriate industrialization of domestic production.

Keywords

The Russian statehood, industrialization, normative structuralism, ways of property organization, social functions, political and legal regime

The results, scope of application. Since 1861, the Russian statehood during its existence has experienced a number of important transitional states, where the successful process of forming the traditional foundations of the corresponding society in different periods (pre-Soviet, Soviet and post-Soviet) in terms of the author's methodology was and still is untenable. The basis of this methodology is the existing relationship between the concrete way of property organization and its social function. Thus, a private way of property organization reproduces the function of social development. A mixed (corporate) way provides a function of social compromise (convergence). Finally, the common (collective) way of property organization can be determined by the function of social security. A concrete way of property organization carries out only a specific social function. An attempt to change this dependence leads the corresponding society to the destruction of the foundations of its existence. Thus, the liquidation (abolition) of the private way of property organization objectively forms the impossibility of realizing the functions of social development and the functions of social compromise (convergence) in the society by the common (collective) way of its organization. There is another aspect of the relationship between a particular way of organizing property and its social function. Each of the above methods of property organization, reaching a monopoly state that goes into rent, provides for self-destruction and transformation of its social function as opposed to: from development to degradation, from compromise to confrontation, from social provision of society to the provision of clans. A brief historical digression in the article makes it possible to disclose the content of this methodology when analyzing the facts of life of Russian statehood, including its latest history until 2017.

Conclusions. The modern post-Soviet statehood in its various foundations: economic, political, social and cultural, when realizing the appropriate tendencies of segregation of the private way of property organization and the growing monopolization of state property, largely casts doubt on the future development of our society.

1. Введение

Российская государственность примерно с середины XIX в. по настоящее время испытала на себе три различных варианта индустриализации нашей страны, каждый из которых осуществлялся в параметрах соответствующего политико-правового режима.

Первый опыт – это опыт капиталистической индустриализации России. Условно с 1861 г. (реформ императора Александра II) до Октября 1917 г. Монархический политико-правовой режим.

Второй опыт индустриализации России – социалистический. С Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. по 1991 г. Коммунистический политико-правовой режим.

Третий опыт индустриализации современной России – капиталистический (в условиях глобального информационного общества). С 1991 г. по настоящее время. Политико-правовой режим – демократической ориентации. Основное направление – консервативная концепция «суверенной демократии».

При историческом многообразии указанных индустриализаций итог современной реальности российской государственности весьма неутешителен: производительность труда в среднем в 2–4 раза ниже, чем в странах с высокоразвитой экономикой; идет эскалация сырьевой направленности экономики; да и с демократией не всё в порядке. Страна находится в системном кризисе. В чем причины нашей исторической предопределенности?

Возможно, мы не те; возможно, климат не тот; возможно, «руки не из того места». Или опять и снова вечная причина: Россию никто не любит, все нам мешают, кругом одни враги. Заметьте, вне зависимости от цвета флага и идеологии режима, будь он императорский, будь он советский или будь он «суверенный» и демократический, у нас всё одно – беспросветный тоннель. Всё как-то не удастся договориться и сообща построить государство, где всем нам будет удобно и безопасно жить, а окружающий мир нас будет прежде всего уважать, а уж потом всё остальное...

2. Способ организации собственности и структура государства

Постараюсь, не впадая в обильную детализацию и подробности, определить основополагаю-

щую причину происходящего с нашей страной. Я далек от понимания существования истины в последней инстанции. Просто попытаюсь изложить причинно-следственную связь произошедшего и происходящего с российской государственностью, используя авторскую методологию исследования структурной организации государства. Я называю эту концепцию методологией нормативного структурализма, исходя из того, что основные параметры организации государства зависят от функционирования соответствующих способов организации собственности, каждый из которых предопределенно исполняет соответствующую социальную функцию.

За всю историю цивилизации можно выделить три основных способа организации собственности. Два из них базовые. Это частный и общий (коллективный) способы ее организации. Третий – гибридный, возникающий как продукт совместного функционирования частного и общего (коллективного) способов организации собственности. Это смешанный (корпоративный) способ организации собственности, в котором нормативно сочетаются право частной собственности и корпоративный способ ее управления [1]. Существование каждого способа организации собственности определяется обществом в зависимости от того, какую социальную функцию он должен исполнять в процессе своей реализации.

Частный способ организации собственности объективно обусловлен реализацией функции социального развития общества. Корневая причина его функционирования состоит в том, что он способен производить и воспроизводить социальные антагонизмы. Они в режиме нормативного регулирования государства обеспечивают перманентную основу для существования социальной конкуренции, без которой невозможна репродукция социального развития общества. В реализации этой взаимосвязи и есть смысл функционирования частного способа организации собственности. Универсальность частного способа организации собственности как продукта разумной действительности не означает, что он лишен в своем существовании конкретных социальных диспропорций, формирующих соответствующие противоречия.

Социальные противоречия, порожденные частным способом организации собственности, также могут достигать своей противоположности в случае формирования соответствующего монопольного состояния. В результате монополизации частного способа организации собственности происходит утрата его основополагающего свойства – конкурентоспособности, а функция социального развития в определенном обществе начинает деградировать, нивелируя свой первоначальный смысл. То есть частный способ организации собственности, с одной стороны, производит и воспроизводит социальную конкуренцию, необходимую для существования функции социального развития общества. С другой – этот способ организации собственности, достигая параметров монополизма в конкретном обществе, начинает генерировать противоречие, которое, достигая качества антагонизма, разрушает его поступательное развитие.

Частный способ организации собственности в силу порождаемого им социального антагонизма может быть при определенных обстоятельствах как основой развития общества и государства, так и основой для разрушения соответствующей конфигурации социально-нормированного пространства его существования. В общем, он как яд: в одной дозе – это жизнь, в другой – смерть, но одно не может существовать без другого – весь вопрос в пропорции. Общество посредством государства и призвано решать этот вопрос.

Если частный способ организации собственности в реальной жизни решает проблему социального развития, то общий (коллективный) способ ее организации предопределенно реализует другую важнейшую функцию общества – функцию его социального обеспечения. Частный способ организации собственности обеспечивает развитие единичности как условие существования множественности целого. Общий (коллективный) способ ее организации обеспечивает существование множественности целого как условие жизнедеятельности единичного. Общий (коллективный) способ организации собственности в различных формах его проявления (от общинной до государственной) выполняет свою важнейшую функцию – функцию социального обеспечения определенного сообщества в целом. Общество в своем стремлении максимально исполнить функцию социального обеспечения целого также может привести формы общего (коллективного) способа организации собственности к наступлению состояния крайнего антагонизма. Социальный инди-

катор этого состояния достаточно прост: чем больше желающих делить, тем меньше желающих работать.

Цивилизация на определенной стадии исторического развития, сталкиваясь с социальными антагонизмами, создаваемыми частным и общим (коллективным) способами организации собственности, и необходимостью сохранения потенциала реализации функции социального развития и социального обеспечения, стала активно формализовывать иной (гибридный) способ организации собственности – смешанный (корпоративный). Целевым назначением этого способа организации собственности была функция обеспечения социального компромисса (конвергенции). Смешанный (корпоративный) способ организации собственности с функцией социального компромисса (конвергенции) был призван человеческим сообществом решать главную задачу своего целеполагания – всемерно минимизировать отрицательные последствия антагонизмов существования частного и общего (коллективного) способов организации собственности при обеспечении максимально возможного режима эффективности осуществления ими функций социального развития и социального обеспечения.

Общество в эволюционном развитии сконструировало определенные социальные зависимости своего существования, где частному способу организации собственности соответствовала функция социального развития, смешанному (корпоративному) – функция социального компромисса (конвергенции), общему (коллективному) – функция социального обеспечения. Практика данной предопределенности в основном интегрировалась вокруг философии совершенствования управления социальными антагонизмами. В отличие от этого советская модель развития базировалась на идеологии уничтожения социальных антагонизмов как основном направлении решения общественных проблем. Частный способ организации собственности, являясь по определению структурной формой производства и воспроизводства социального антагонизма, по мере его насильственной ликвидации (упразднения), с точки зрения марксистов, открывал обществу «столбовую дорогу» к всеобщему благоденствию. Революционная методология не учитывала того, что без производства и воспроизводства социального антагонизма происходит уничтожение естественного механизма существования социальной конкуренции, обеспечивающего объективную реализацию функции социального развития общества.

Концептуальность нашего подхода определяется тем, что симметрия существования общества невозможна без естественной комбинации взаимодействия трех основных способов организации собственности: частного, смешанного (корпоративного) и общего (коллективного), каждый из которых реализует соответствующую функцию: функцию социального развития, функцию социального компромисса (конвергенции), функцию социального обеспечения. Насильственная же ликвидация (упразднение) любого способа организации собственности приводит к формированию объективной диспропорции, обусловленной нивелированием конкретной социальной функции.

Есть способ организации собственности – есть его конкретная социальная функция. Насильственная ликвидация (упразднение) любого способа организации собственности характеризует собой разрушение естественного механизма существования соответствующей социальной функции, и никакой иной способ организации собственности не в состоянии искусственно сгенерировать ее производство. История подтверждает, что общий (коллективный) способ организации собственности объективно не в состоянии вместо насильственно ликвидированного (упраздненного) частного способа ее организации генерировать соответствующую реализацию функции социального развития одновременно с функцией социального обеспечения. Советский опыт тому доказательство.

Наряду с этим каждый способ организации собственности при реализации своей социальной функции также создает структурный потенциал для существования соответствующего системообразующего принципа организации социального самоуправления общества, а в конечном итоге – и конкретного государства в качестве его ведущей формы.

Частный способ организации собственности с его функцией социального развития, обеспечивая релевантное существование единичности, формирует структурный потенциал Децентрализма как основного системообразующего принципа организации жизнедеятельности государства и общества, создавая тем самым одновременно генетическую обусловленность для становления соответствующего политико-правового режима. В данном случае генерируется структурный потенциал формирования демократического политико-правового режима государства.

Общий (коллективный) способ организации собственности при осуществлении функции социального обеспечения создает объективную потен-

цию реализации множественности как единого целого, генетически формируя структурный потенциал Централизма в качестве основного системообразующего принципа жизнедеятельности государства и общества. Этим потенциально предопределяется становление различных форм осуществления авторитарного политико-правового режима.

Смешанный (корпоративный) способ организации собственности в силу функции социального компромисса (конвергенции) структурно объединяет в себе начало базовых способов организации собственности, обеспечивающих его существование. С одной стороны, это единичность (Децентрализм) – от частного способа организации собственности, с другой – это целостная множественность (Централизм) – от общего (коллективного) способа ее организации. Комбинация этих организационных основ и создает структурный потенциал для существования такого системообразующего принципа организации жизнедеятельности государства и общества, как Полуцентрализм.

Реализация этого системообразующего принципа в структурной организации общества и государства зависит от того, какой из двух базовых системообразующих принципов (Децентрализм или Централизм) в условиях этого транзита начинает играть определяющую роль. Если это Децентрализм, где частный способ организации собственности и функция социального развития являются решающими в структурной организации общества и государства, то формируемый политико-правовой режим приобретает устойчивую тенденцию демократической направленности. Если же в процессе транзита Централизм как отражение существования общего (коллективного) способа организации собственности и функция социального обеспечения начинают приобретать доминантное положение, то политико-правовой режим постепенно теряет демократическую ориентацию, возвращаясь в своем функционировании к различным формам авторитарной направленности.

Структурная подвижность Полуцентрализма в качестве основного системообразующего принципа организации в условиях транзита создает для общества глобальную проблему социального выбора, которую оно должно само решить: либо обеспечить переход от демократической ориентации к реальной демократии, либо согласиться с переходом от демократической ориентации к реальному авторитаризму. Для этого в первом случае необходимо, чтобы частный способ организации собственности и

функция социального развития имели доминантное положение в обществе, а Децентрализм был основным системообразующим принципом в структурной организации государства. Во втором же случае различные формы общего (коллективного) способа организации собственности и, соответственно, функция социального обеспечения приобретают силу прерогативы, а Централизм – статус основного системообразующего принципа.

Выбор остается за обществом. Нужно только понимать, что доминанта функции социального обеспечения и, соответственно, общего (коллективного) способа организации собственности в конкретном существующем обществе и государстве приводят к тому, что производство желающих делить растет намного быстрее, чем производство желающих работать. Это означает, что общество, утратившее либо ограничившее действие частного способа организации собственности и, соответственно, функцию своего социального развития, в длительной исторической перспективе может рассчитывать лишь на второразрядные и третьеразрядные роли в параметрах существования авторитарно-тоталитарного политико-правового режима.

3. Историческая практика индустриализаций России

Вернемся к проблеме индустриализации российского общества и государства, обозначенной в самом начале. Итак, первый опыт капиталистической индустриализации России (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Образно говоря, «когда в Лондоне пустили метрополитен, в России отменили крепостное право». Поражение нашей страны в Крымской войне 1853–1856 гг. поставило перед монархическим политико-правовым режимом стратегическую социальную проблему: либо безнадежно расстаться со статусом великой державы, либо, оперативно проведя капиталистическую индустриализацию, экономически модернизировать Россию, создав тем самым соответствующую материальную базу для сохранения ее в этом статусе. Для этого было необходимо в небольшой исторический промежуток времени (примерно полвека) провести капиталистическую индустриализацию страны с тем, чтобы частный способ организации собственности стал ведущим среди иных способов ее организации, а функция социального развития приобрела устойчивое значение.

Отмена крепостного права в 1861 г. привела к тому, что вместо персонифицированного закрепления крестьянина за помещиком пришла новая коллективная форма его закабаления – сельская об-

щина. Если учесть, что сельское крестьянство представляло собой значительную часть населения России (где-то около 80 %), а из этого количества примерно три четверти существовали в рамках ведения общинного хозяйства, то следует понимать, что общинная собственность как наиболее примитивная форма общего (коллективного) способа ее организации с его функцией социального обеспечения была объективно не в состоянии решать проблемы капиталистической индустриализации страны, так как ей изначально естественным образом не принадлежит функция социального развития [2, с. 339]. Добавьте к этому развернутое функционирование волостной, городской, уездной (земской), губернской (земской) государственных форм общего (коллективного) способа организации собственности – и вы поймете, что монархический политико-правовой режим пытался провести капиталистическую индустриализацию страны своим особым, бюрократическим путем, в отличие от европейского общепризнанного варианта, основанного на всемерном экономическом стимулировании экспансии частного способа организации собственности с его функцией социального развития. Монархия пыталась мобилизовать ресурсы, и прежде всего – различных форм общего (коллективного) способа организации собственности, с тем чтобы административно поднять одним рывком уровень экономического развития страны, решая при этом свою основополагающую задачу – сохранение института самодержавия. Поэтому, несмотря на определенные успехи, экономика России к концу XIX в. по-прежнему существенно отставала от экономик ведущих европейских стран (например, Франции, Австрии и т. д.) [3, с. 504].

Ход Русско-японской войны, Революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. свидетельствовал о том, что капиталистическая индустриализация и экономическая модернизация страны столкнулись с неспособностью монархического политико-правового режима, базирующегося на приоритете форм общего (коллективного) способа организации собственности, решать социальные проблемы опережающего развития общества и государства. Кроме этого, приоритет форм общего (коллективного) способа организации собственности с его функцией социального обеспечения перманентно стимулировал расширение социальной базы левых и левацких мировоззренческих настроений, для которых существование частного способа организации собственности являлось социальным антиподом.

Еще одно обстоятельство: народонаселение Российской империи между 1897 и 1917 гг. увеличилось примерно со 129 млн до 178 млн человек [4]. Учитывая вышеуказанные войны, революции, реформы и другие социальные катаклизмы, крестьянство Российской империи, существовавшее в основном в рамках сельской общины, являлось наиболее обездоленной частью этого населения, которая в силу специфики общего (коллективного) способа организации собственности весьма настороженно относилась к частному ведению хозяйства. Возможно, беднейшее крестьянство, имевшее многолетний опыт общинной жизнедеятельности, способствовало в решающей степени свершению Великой Октябрьской социалистической революции. Общинная и коллективистская (социалистическая) собственность имели генетическую предрасположенность для социального взаимодействия, являясь различными формами существования одного и того же способа организации собственности – общего (коллективного).

Таким образом, в Октябре 1917 г. политический режим в форме диктатуры пролетариата в своей первоначальной стадии оперся на традиционные общинные начала жизнедеятельности преимущественно крестьянской страны. С точки зрения политической целесообразности у большевиков не было иного варианта удержать государственную власть в своих руках. Конфликт с беднейшим крестьянством означал одно – неминуемую гибель их политического режима. Так, по существу, на полуфеодальных традиционных основах мы вошли в советский социализм.

Соединение указанных общинных и коллективистских начал по мере строительства основ советского социалистического общества объективно вело к назреванию сложного антагонистического противоречия, которое в стадии своего разрешения могло привести к опасности ликвидации коммунистического политического режима. Стержнем этого противоречия было дальнейшее развитие традиционных основ общинного мировоззрения с развитием мелкособственнических, частнособственнических интересов, естественным образом нацеленных на формирование товарного капиталистического хозяйства. Другая половина этого противоречия: советское коллективистское начало по мере укрепления марксистско-ленинской диктатуры пролетариата в принципе стало исключать какое-либо существование мелкособственнических, частнособственнических интересов, тем самым подготавливая эко-

номический механизм планового ведения народного хозяйства.

Необходимость разрешения этого противоречия, как ни печально, запрограммированно вела наше общество к наступлению жесточайших политических репрессий 30-х гг. по широчайшему периметру носителей частнособственнической философии, включая прежде всего кулацкое и середняцкое крестьянство, ремесленников и торговцев, различных выходцев из бывших, а также народившуюся коммунистическую буржуазию, склонную к этому мировоззрению. С этой позиции становится понятным знаменитое сталинское выражение, высказанное им еще в 1928 г., задолго до наступления массовых политических репрессий: «По мере строительства социализма классовая борьба будет возрастать» [5, с. 171]. Победа диктатуры пролетариата была невозможна без завоевания командных основ в экономике, где искоренение частнособственнического мировоззрения являлось стратегической задачей. Отсюда непреложным условием проведения социалистической индустриализации было окончательное и бесповоротное решение вопроса насильственного уничтожения (упразднения) частного способа организации собственности. Это был не просто вопрос экономической модернизации СССР. Это был вопрос идеологической доктрины существования советской государственности в форме диктатуры пролетариата, базирующейся на соответствующей монополии общего (коллективного) способа организации собственности в его коммунистической редакции.

Последовала массовая коллективизация и индустриализация. Ну а затем – «если враг не сдается, то его уничтожают». Миллионы жертв политических репрессий, Второй мировой и Великой Отечественной войн в решающей мере дезавуировали существование традиционных основ, базирующихся на частнособственническом мировоззрении. Насилие и войны сыграли свою трагическую роль. К концу 80-х – нач. 90-х гг. советский культурный код, искусственно простимулированный посредством уничтожения частнособственнического мировоззрения, при проявлении серьезных симптомов неспособности социалистической плановой экономики и, как следствие, деморализации коммунистической идеологии начал, образно говоря, разваливаться. Мы стали свидетелями наглядной демонстрации этого исторического фиаско.

Естественно-исторический процесс, потеряв свой объективный характер при насильственном уничтожении (упразднении) частного способа орга-

низации собственности, показал, что игры в социальные утопии не имеют длительной культурно-исторической перспективы существования. Великий Советский Союз и великая КПСС в одночасье рухнули, как картонный домик. Это является доказательством того, что традиционные основы советского социалистического общества, в реальном функционировании которых мы убеждали весь мир, оказались лишь искусно выписанными в наших государственно-политических и идеологических доктринах. Социализм жил на бумаге, а не в интересах людей. Если это было бы не так, то мы не жили бы с Вами уже в постсоветском обществе.

Начавшиеся в конце 80-х – нач. 90-х гг. социально-экономические преобразования в нашей стране, извлекая исторические уроки из социалистического прошлого, исходили в начальной стадии пути из допустимости существования частного способа организации собственности, а с принятием Конституции РФ 1993 г. – из принципа равноправия всех форм собственности, включая частную. Закрепление конституционного статуса права частной собственности представляло собой для функционирования российской государственности в ее многовековой истории наступление новой эпохи в культурной перспективе. Прошло чуть более двух десятков лет, и снова видно, как государственная бюрократия постепенно приватизирует в свою исключительную собственность пределы существования права частной собственности по принципу: для своих – всё, пока они свои; для чужих – избирательное правосудие, в котором она, используя уголовный закон как вечное универсальное оружие против не своих, решает проблему распределения и перераспределения так называемой частной собственности.

Современная государственная бюрократия, применяя для одних уголовный закон, для других – налоговый закон, для третьих – контрольное производство, превращает право частной собственности в право избранных, в очевидности игнорируя интересы сотен тысяч российских граждан, имеющих свои частнопредпринимательские интересы. Государственная бюрократия, используя высочайшую степень социального иждивения населения, выросшую под воздействием советского коллективистского начала, всячески тормозит становление традиционных основ капиталистического способа организации экономики. Расширение объема государственного сектора, последовательное ограничение прав частного предпринимателя обеспечивают российской бюрократии экономическую базу ее вы-

нешней политической гегемонии. Парадокс состоит в том, что эта экономическая основа преимущественно отражает идеологию уходящих традиционных начал советского социалистического общества, в котором не могло быть места частнособственническому мировоззрению и где в реальности присутствовал лишь сформированный за десятилетия животный страх люмпенизированного населения под давлением чудовищных политических и социальных репрессий.

4. Исторические уроки

Если принять во внимание, что современная российская бюрократия – это наиболее активное социальное сословие, то получается, что она из настоящего, опираясь на прошлое, нас должна привести в будущее. Может, мы опять моделируем очередную социальную утопию? Куда нас приведет этот коллективный Сусанин?

Вопрос является отнюдь не праздным. Россия за последнее столетие пережила три переходных состояния своей государственности, последнее из которых мы сегодня ощущаем на себе в полной мере. Государственность, как и любое социальное явление, особенно в условиях переходных состояний, может достичь определенной степени системной «усталости», при которой могут наступить необратимые процессы ее разрушения. Практика переходных состояний российской государственности позволяет выявить ряд характерных проявлений, присущих этому процессу.

Во-первых, незрелость института частной собственности. В одном случае (Февраль 1917 г.) – существование значительной совокупности общинных и полупфеодальных экономических отношений, в которых институционализация частной собственности не имела качества традиционной основы, соответствующей капиталистическому характеру хозяйства и общества. В другом (Октябрь 1917 г.) – исключение функционирования института частной собственности по доктринальному идеологическому основанию. Конец советской истории убедительным образом подтвердил, что подобная изоляция и разрушение института частной собственности лишают систему экономических отношений естественного механизма социальной конкуренции, а следовательно – функции социального развития. Это привело систему плановой социалистической экономики к стагнации и застою, о чем свидетельствует советский исход. Каким бы социализм ни был (советским, китайским, шведским и т. д.), его прогрессивное существование невозможно без соответствующей гео-

метрии развития института частной собственности. Но это не панацея от всех социально-экономических болезней.

Наконец, в конце 80-х – нач. 90-х гг. мы «бросили» в общество частную собственность, как камень в воду, наблюдая с берега за кругами возникших социальных проблем. У нас не было и не могло быть институционализированного опыта частной собственности. У нас было понимание, что так жить нельзя, и, зажмурив глаза, мы просто «прыгнули» в непознанное. Во многом поэтому наши социально-экономические преобразования свелись в основном к экономической либерализации цен и приватизации советской собственности. Мы не смогли решить главное – структурно перестроить экономику, переориентировав с единственного (базового) общего (коллективного) способа организации собственности на частный способ ее организации в качестве основного системообразующего принципа экономической деятельности.

Российская цивилизация в полной мере не познала, что такое частный способ организации собственности в качестве универсального механизма обеспечения общественного развития. Следует понимать: частная собственность не абсолют цивилизации, но цивилизирующая человечество абсолютность.

Во-вторых, незрелость социальной структуры общества. По марксистско-ленинской концепции, как известно, неимущие должны «закопать» имущих и тем самым обеспечить исполнение пролетариату всемирно исторической миссии могильщика капитала. Понятно, что к Февралю 1917 г. существовавшая на то время социальная структура общества не предполагала в качестве основной движущей силы революционного движения широкие круги неимущих слоев населения, включая рабочий класс. В крестьянской стране, социальная структура которой не отражала традиционных основ буржуазного общества, говорить о какой-либо решающей роли российского рабочего класса в революционном движении исторически некорректно. Рассматривать отечественный пролетариат в качестве могильщика соответствующей же буржуазии в рамках Октября 1917 г. также неверно. Революция, совершенная узким кругом профессиональных революционеров, своеобразным орденом меченосцев, действительно нашла свою социальную опору среди неимущих слоев населения (преимущественно общинного крестьянства).

Искусственное строительство социальной структуры под руководством Коммунистической

партии в основном велось по следующим направлениям. Крестьянство из свободных мелких собственников посредством социалистической коллективизации превращали в колхозное, а во времена Н.С. Хрущёва – в совхозное. Что касается рабочего класса, то всё, что могло «сбежать» из деревни, рекрутировалось в промышленную армию труда. Формировались основы новой крепостной системы советского образца: в деревне – без паспорта, по трудоводню и 10 лет за колоски; в городе – советская нормированность труда, отдыха, благ, привилегий и всеобщая обязательность труда при уголовно-административной ответственности за тунеядство. Так формировалась социальная структура, в которой работа из-под палки и, по существу, за трудоводень вела к одному – неуклонному углублению процесса люмпенизации населения при незыблемом верховенстве партийно-государственной номенклатуры.

Незрелость социальной структуры общества и сегодня (в условиях капиталистической индустриализации) – одна из важнейших проблем строительства новой постсоветской государственности. Государственная бюрократия, создавшая за эти годы свою монополию на власть, препятствует и будет препятствовать формированию новой конфигурации социальной структуры общества, в которой ее функционирование будет поставлено под прямой контроль социума, где она будет лишена собственного всевластия. Возможно, эту функцию осуществляют средние слои населения, сформированные в условиях капиталистической индустриализации, но говорить сейчас о них как о сложившемся социальном сословии нет оснований.

В-третьих, незрелость политической структуры общества в условиях переходных состояний. После отречения Николая II буржуазные политические партии к Октябрю 1917 г. оказались неспособными противостоять практике революционной борьбы РСДРП(б). Появление в 1925 г. новой аббревиатуры ВКП(б) явилось специфическим сигналом того, что была сформирована в сущности однопартийная политическая система. Это уникальное явление в мировой политической жизни, когда единственная партийная организация конституируется в качестве руководящей и направляющей силы государства и общества. ВКП(б) впервые в цивилизации определила свою собственную легитимность по отношению к государству и обществу, фиксируя первичность своего статуса относительно их организации и деятельности.

Можно ли считать подобную политическую структуру общества зрелой? Безусловно, скажут «да» представители тоталитарного направления коммунистической идеологии. «Может быть» скажут коммунисты – сторонники демократической ориентации. И вероятнее всего, «нет» – сторонники еврокоммунизма. Я думаю, что однопартийная тоталитарная система в политической практике не имеет длительной социальной перспективы, о чем свидетельствует советский опыт. Степень зрелости политической структуры общества имеет обратно пропорциональную зависимость от степени зрелости политических партий, функционирующих в данном социуме. Для нас, как свидетелей современного переходного состояния, совершенно очевидна эта зависимость, когда незрелость наших политических партий продуцирует подобную незрелость политической структуры общества и соответствующую возможность манипулирования им со стороны государственной бюрократии. Существование развитой многопартийной системы – это своеобразная социальная гарантия в руках общества, обеспечивающая ему максимальную защиту от функционирования недемократических сил и тенденций.

В нашем случае российские политические партии – это организации, выстроенные по лекалам советского недемократического прошлого, как отражение знаменитого афоризма В. С. Черномырдина: «Пытаемся создать новое, а получается КПСС». Нынешние парламентские партии (и с этим трудно спорить) замешены и сделаны из советского политического теста, конформистского по своей сущности. Их социальная природа обусловлена философией прошлого. А строительство будущего из прошлого политического материала объективно не может являться социальной перспективой развития. Основу будущей политической структуры общества должны составить партийные организации, философия деятельности которых изначально будет выражать традиционно иные культурные ценности.

В-четвертых, незрелость культурного кода общества, находящегося в переходном состоянии. Принципиальнейшая черта, характеризующая это явление, – существенная люмпенизация населения. Природа этого явления социально и генетически предсказуема. Качественное изменение традиционных основ общества, безусловно, предопределяет наступление обстоятельств, при которых в его переходном состоянии сосуществуют две культурные

матрицы: уходящая и формируемая. Возникает определенный культурный хаос, ведущий к распредмечиванию социально-культурного кода уходящего общества, составлявшего его традиционную основу. Происходит существенное падение культурных нравов и ценностей. Культурные потрясения традиционных основ общества проявляются прежде всего в изменении отношения человека к труду и собственности. Они составляют фундамент, на котором начинается строительство будущего культурно-ценностного пространства. Качественное изменение отношения человека к труду и собственности в условиях трех переходных состояний, которые пережила Россия за последнее столетие, предопределило существование в наше время, возможно, самой массовой люмпенизации населения.

Люмпенизация в общих чертах – это состояние культурного кода, при котором наступает массовая девальвация у населения основных ценностных ориентиров, без существования которых дальнейшее движение общества и государства по пути социального прогресса становится невозможным. Итогом люмпенизации является наступление хаоса в сознании, где страх и мистификация начинают преобладать, делая его иррациональным. Любой нравственный ориентир в этом хаосе иррациональности может быть объявлен самыми крикливыми как не соответствующий культурному коду формируемой традиционной основы жизнедеятельности общества. Возникает аномия поведения в социуме, которая нивелирует его нормативно-ценностную ориентацию. Поведение человека в данном социальном пространстве, становясь дезориентированным, становится непредсказуемым. Опасность возникновения социальных катаклизмов неизмеримо возрастает.

Незрелость экономических, социальных, политических и культурных отношений – это системный индикатор, характеризующий существование переходного состояния, в котором роль государственной бюрократии неизмеримо возрастает, подводя ее к определенному социальному искушению. Оно состоит в том, что процесс усиления роли государственной бюрократии в условиях переходного периода провоцирует ее на определенную подмену в целеполагании развития общества и государства. Она стремится в первую очередь сохранить и укрепить собственное всевластие и лишь во вторую – обеспечить реализацию интересов общества и государства по пути социального прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутаков А.В. К исследованию новейшей истории российской государственности: Транзит / А.В. Бутаков. – Омск, 2016. – 416 с.
2. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга. – Т. 9–10. – С. 317–396.
3. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. / С.Ю. Витте. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – Т. 1. – 634 с.
4. Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. – 416 с. – URL: <http://istmat.info/node/167> (дата обращения: 08.06. 2017).
5. Сталин И.В. Выступление на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. «Об индустриализации и хлебной проблеме» / И.В. Сталин // Сталин И. В. Соч.: в 16 т. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. – Т. 11. – С. 157–187.

REFERENCES

1. Butakov A.V. *To the study of the modern history of Russian statehood: the transit*. Omsk, 2016. 416 p. (In Russ.).
2. Il'in I.A. The fundamentals of the struggle for the national Russia, in: Il'in I.A. *Sobraniie sochinenii*, in 10 volumes. Moscow, Russkaya kniga Publ. Vol. 9–10, pp. 317– 396. (In Russ.).
3. Vitte S.Yu. *Memories*, in 3 volumes. Moscow, Publishing house of social economic literature, 1960. Vol. 1. 634 p. Available at: <http://istmat.info/node/167>. (In Russ.).
4. *Russia in 1913*, Statistical and documentary handbook. St. Petersburg, Russian-Baltic information center "BLITZ" Publ., 1995. 416 p. (In Russ.).
5. Stalin I.V. Speech at the Plenum of the Central Committee of the CPSU(b) on 9 July 1928 "About industrialization and the grain problem", in: Stalin I.V. *Sochineniya*, in 16 volumes. Moscow, State publishing house of political literature, 1949. Vol. 11. pp. 157–187. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бутаков Александр Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а,
E-mail: magistr25@inbox.ru
SPIN-код: 9843-0789, AuthorID: 683256

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander V. Butakov – Doctor of Law, Professor,
Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: magistr25@inbox.ru
SPIN-code: 9843-0789, AuthorID: 683256

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бутаков А.В. Российская государственность. 2017 / А.В. Бутаков // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 15–24. – DOI : 10.24147/2542-1514.2017.1(3).15-24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Butakov A.V. The Russian statehood. 2017. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(3).15-24. (In Russ.).